УДК (82. 091)

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-93-100

«РУССКИЙ ХУДОЖНИК ПИШЕТ О РУССКОМ ЕСТЕСТВЕ»: И. А. БУНИН И И. С. ШМЕЛЁВ О ЗАГАДКЕ РУССКОЙ ДУШИ

Гудзова Я. О.*Московский государственный институт культуры**141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, д. 7, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель данной работы состоит в сравнительном анализе художественного осмысления феномена русской души в творчестве И. А. Бунина и И. С. Шмелёва.

Процедура и методы исследования. Особое внимание уделено сопоставлению подхода двух художников к изображению народной, крестьянской стихии, в том числе тёмных сторон национального характера, решению вопросов веры, отражению бытовой повседневности, сословных отношений мужика и барина. Подчёркнута актуализация аспекта памяти в эмигрантском творчестве писателей. При анализе художественных произведений использованы возможности сравнительно-исторического и типологического методов.

Результаты. В ходе сопоставительного анализа произведений раскрывается характер художественного осмысления русской души двумя писателями.

Теоретическая и / или практическая значимость. Статья вносит вклад в изучение творчества двух знаковых фигур эмиграции первой волны.

Ключевые слова: И. А. Бунин, И. С. Шмелёв, русская душа, национальный характер, противоречивость, многоликость, многогранность

«THE RUSSIAN ARTIST DESCRIBES THE RUSSIAN CHARACTER»: I. BUNIN AND I. SHMELEV ON THE MYSTERY OF THE RUSSIAN SOUL

Ya. Gudzova*Moscow State Art and Cultural University**7 Bibliotchnaya ul., Khimki 141406, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract.

Aim is a comparative analysis of the understanding of the Russian soul phenomenon in the works of I. Bunin and I. Shmelev.

Methodology. A special attention has been paid to the image of the people and peasants' elements by contrasting two artists' approaches, including the dark sides of the national character, solving faith issues, daily life reflection, the class relationship of the peasant and the master. The comparative and typological methods have been applied toward the analysis of the literary works.

Results. The comparative analysis of the works unpacked the nature of the Russian soul comprehension by I. Bunin and I. Shmelev.

Research implications. The present article contributes to the study of the literary works of the first wave iconic emigrants.

Keywords: I. Bunin, I. Shmelev, Russian soul, national character, inconsistency, variety, multifacetedness

Введение

И. А. Бунин и И. С. Шмелёв, как знаковые фигуры своего времени, вызывают интерес исследователей не только силой и самобытностью таланта, но и непростой историей взаимоотношений. Очевидна разница в их характерах, политических пристрастиях, литературных приоритетах. Параллели и пересечения особенно заметны в ситуации, казалось бы, однонаправленных поисков, которые приводили писателей к различным идейно-художественным результатам. Проблема отражения черт национального характера в творчестве каждого из них не первый год привлекает внимание литературоведов [1; 4; 7; 9; 10; 11].

Цель данной работы состоит в сравнительном анализе художественного осмысления феномена русской души двумя известными писателями.

Феномен русской души в творчестве И. А. Бунина и И. С. Шмелёва

Безусловным объединяющим началом в ситуации вынужденного изгнания для обоих была любовь к дореволюционной России, которая у каждого покоилась на собственных представлениях и идеалах. Чувство причастности Родине и у Бунина, и у Шмелёва находило выход в интересе к национальному характеру в наиболее существенных его чертах, попытках художественного постижения загадочной русской души.

«Душа русского человека в глубоком смысле»¹ занимала Бунина и до революции. Вера в русский народ и его богоносную сущность составляла основу творчества и мировидения Шмелёва. В обращении «К родной молодёжи» (1928) он писал: «Русская душа – жаждающая душа, ищущая дела, подвига, душа стремительная и страстная»². В поисках национальных «корней» Бунин и Шмелёв одинаково обращались к народно-национальной

стихии, хотя и изображали её с различных идейных и художественных позиций.

Потомственный дворянин Бунин дорожил и гордился историей рода. Писатель упоминал о своём происхождении в дореволюционных автобиографиях, не забывал о нём и в эмиграции. Это обстоятельство иногда служило поводом для несправедливых упреков со стороны собратьев по перу. Так, о разладе в отношениях с Буниным писатель-сибиряк Г. Д. Гребенщиков сообщал Шмелёву: «Мне очень больно, что моё безоблачное чувство к этому редчайшему и замечательнейшему мастеру слова омрачено им же. Барин по крови, он остаётся баринком в литературе» [6, с. 223].

Обидное определение по отношению к Бунину появилось уже в дореволюционной критике, отметившей склонность писателя отражать тёмные стороны национального характера. Автору повести «Деревня» (1910) ставили в вину пессимизм, упрекали в «барской напуганности» (Н. Коробка), тенденциозности в изображении народных типов (В. Львов-Рогачевский) и неправдивости (А. Редько).

Поиски первооснов национального характера обусловили повышенное внимание художников к тёмным сторонам народной души. Вера Шмелёва в здоровый национальный инстинкт коренным образом противостояла бунинской концепции «шаткости», тогда как идея противоречивости национального характера и двойственной природы русского человека сближала обоих писателей. Необъяснимая склонность русского человека к жестокости и преступным действиям одинаково волновала и Бунина, и Шмелёва.

Революционные события предельно обострили прежде во многом умозрительную проблему, выплеснувшуюся в формах революционного террора и бесчинствах победившего большинства. Тогда, по мысли Бунина, обнаружилось трагическое противоречие между интеллигентскими представлениями о народной России и её истинной сутью. Примечательны впечатления писателя от участников одной из манифестаций: «Голоса утробные, первобытные.

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1967. С. 536.

² Шмелёв И. С. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 7 (доп.). М.: Русская книга, 1999. С. 408.

Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские. Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: "Save furem". На эти лица ничего не надо ставить, – и без всякого клейма всё видно»¹.

Негодование у Бунина вызывало как превозношение достоинств «милосердного», «прекрасного» народа, так и преувеличенная благостная русскость, связывавшаяся в его представлениях с «лубочной», «сусальной» Россией. Неприятие подобной фальши обострилось у писателя после октябрьских событий 1917 года, когда раскрылась «страшная правда о человеке»: «Святейшее из званий, звание "человек", опозорено как никогда»². И как горький итог: «В человеке просыпается обезьяна»³.

Непредвзятое отношение Бунина к России было лишено идеализации, которую он усматривал во взглядах Шмелёва. Народолюбие автора «Богомолья» питалось впечатлениями детства и не пошатнулось даже в кризисной общественно-политической ситуации, когда циничные и жестокие проявления народного характера едва не подорвали веру в человека. Близкие славянофильским взгляды Шмелёва связаны с утверждением «многогранности» народной души. Революционный хаос разбудил в тёмной массе животные инстинкты, но не убил в народном сердце духовное начало. «Жизнь душу-то запутала»⁴, – сетовала на события, исказившие лицо народа, Дарья Степановна Синицына, няня из Москвы.

Национальный характер особенно ярко проявляется в переломные моменты истории. Это очевидно для «бывалого человека», героя цикла Шмелёва «Заметы» (1947), прошедшего через испытания революционного времени: «... Не поверишь, что у человека быть может: и на добро, и на зло.

А то всё закрыто было. Большое превращение... на край взошли!..»⁵.

Вскрывая истинный смысл лозунгов революции, Бунин и Шмелёв сходились в мысли о том, что вожди октябрьского переворота воспользовались народом в собственных интересах. «И "молодёжь" и "вшивые головы" нужны были, как пушечное мясо, – резюмировал Бунин. – Кадили молодёжи, благо она горяча, кадили мужику, благо он тёмен и "шаток"»⁶. К похожему выводу пришёл Шмелёв: народ обманули, воспользовались, «как дубиной». Не последнюю роль в истории кровавого обольщения сыграла интеллигенция, по глупости или из корысти вовлекавшая «русского простеца» в военный и революционный хаос.

Шмелёв убеждён, что истоки кровавых преступлений революции – в отсутствии веры. Многочисленные произведения писателя служат иллюстрацией этого заключения. Например, рассказ «Кровавый грех» (1937) повествует о жестокой драме, свершившейся в пасхальную ночь 1917 года, когда отпущенные большевиками каторжники расправились с семьёй машиниста товарного поезда из семерых душ, в том числе троих детей.

Несмотря на горечь утрат и обид, эмиграция воскрешала в памяти вынужденных скитальцев дорогое сердцу прошлое. В неприветливой Европе крепло у русских писателей высокое чувство национального самосознания, связанное с представлениями о лучших чертах русского характера и подлинных устремлениях народной души: «Где же ты, чуткая душа простого русского человека, чистого дитяти-человека, какую знаю, какую несу, с детства найдя её?! Светлый, чистый народ мой!.. – неповинный во всём мученик!.. – да где же ты?! Жив? <...> Знаю – жив... замурован за семью замками, за семью дверями...»⁷, –

¹ Бунин И. А. Стихотворения; Рассказы; Окаянные дни; Тёмные аллеи. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Звёздный мир, 2004. С. 235.

² Бунин И. А. Стихотворения; Рассказы; Окаянные дни; Тёмные аллеи. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Звёздный мир, 2004. С. 366.

³ Там же. С. 333.

⁴ Шмелёв И. С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 9. М.: Сибирская Благозвонница, 2008. С. 157.

⁵ Шмелёв И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1999. С. 282.

⁶ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1967. С. 363.

⁷ Ильин И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1947–1950) / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. С. 272.

вопросал Шмелёв и отвечал на свои вопросы сказочными картинками.

Шмелёв уверен: духовное здоровье русского народа как основа национального характера является мощным противовесом бессознательным, не всегда благим проявлениям человеческой природы. Об этом со знанием дела рассуждает герой рассказа «Приятная прогулка» (1950): «Вы, конечно, не раз замечали в русском человеке его исключительное качество: независимость, чувство личного достоинства. <...> Объясняю это у народа сознанием своего “образа и подобия”, вложенного нашим Православием»¹. Не затуманивая мрачные стороны русской души, писатель акцентировал внимание на духовной составляющей национального характера. Набожность, сострадание, совесть, способность к покаянию, считал Шмелёв, – доминанты народно-национальной стихии. Подлинное бытие души «человека простого сознания» ориентировано на представления о горнем мире, определяющие духовное самостояние личности. Эта истина хранится глубоко в тайниках народной души, являясь её ключевым свойством. Так, даже малолетний герой «Лета Господня», как и все «люди-человеки», на Страстной «думает-воздыхает» о грехах². «Всем милость, всем прощение... там всё по-другому будет... это наша душа короткая...»³, – утешает мудрым словом Антипушка, и все удивляются – «простачком» считали.

Герои прозы Бунина не ищут спасения в вере, их нельзя назвать истово православными, понятия греха и праведности многим из них по-настоящему недоступны. Духовные категории во внутреннем мире бунинских персонажей существуют в виде обыденных житейских представлений о чистоте и порочности. Так, герой «Жизни Арсеньева» испытывает религиозный восторг во время богослужения, мысли о вере в сознании одержимого любовным на-

важдением Мити («Митина любовь») случайно возникают в ряду разнообразных жизненных впечатлений и без следа в них исчезают. В то же время бунинским героям ведом и страх Божий, и смиренное отношение к жизни, хотя они часто, как Тихон Красов из «Деревни», желали бы «уклониться от дум и разговора о Боге»⁴.

В отличие от Шмелёва, в творчестве Бунина «своеобычно освещены разные грани христианского учения» [8, с. 375], а религиозное чувство героев находит выражение в общем строе мироощущения, проявляясь иногда на подсознательном уровне. Однако именно память о Боге, по мысли писателя, составляет основу национального характера, даже если почти растворяется в далёком от христианских принципов чувственно-языческом восприятии мира. Рассказы «Лирник Родион» (1913), «Худая трава» (1913), «Иоанн рыдалец» (1913), «Пост» (1916), «Поруганный Спас» (1926) и многие другие демонстрируют, как непросто, разными путями приходят герои Бунина к пониманию вечных истин. Светлая кончина старика Аверкия («Худая трава») обнаруживает важнейшие, с точки зрения писателя, свойства души русского человека: природную, близкую к языческой стихию и по-христиански смиренное отношение к своему уходу.

Своеобычна вера творчески одарённого героя из рассказа Бунина «Пост». Повествование о вечерней прогулке безымянного персонажа начинается и заканчивается словами молитвы, герой мысленно обращается к Богу, благодарит Его за силы и труд. Вроде бы закономерно, что в первые недели Великого поста «затворник», проводящий день за днём в напряжённой творческой работе, посещает деревенскую церковь. Однако в храме его занимает вовсе не моление. Впечатления внешнего мира, к которым оказывается невероятно восприимчивой поэтическая натура персонажа, занимают его и в церкви: «сложный», особый запах, «густое и пахучее» тепло, молодая девушка, едва вышедшая

¹ Шмелёв И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1999. С. 347.

² Шмелёв И. С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 10. М: Сибирская Благовонница, 2008. С. 358.

³ Там же. С. 209.

⁴ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1967. С. 35.

из отроческого возраста. Вечер, проведённый за книгой, погружает героя в мир собственной души, где религиозные чувства неотделимы и от воздействий реальности, и от значимого для него пространства художественной литературы.

Знаменательно, что раздумья Бунина и Шмелёва о свойствах загадочной русской души тесно связаны с изображением крестьянской среды. Здесь особенно отчётливо проявляется разница представлений о национальной своеобразности народа, – ведь в некоторых случаях художники живописуют вроде бы сходные черты национального характера.

Захар Воробьёв из одноимённого рассказа Бунина, и лихой «озорник» Василий, герой произведений Шмелёва («Развязка», 1915; «Лихой кровельщик», 1915), в равной степени страдают от невозможности положительной реализации бьющих через край жизненных сил и неопределённых, но неуёмных желаний. Недюжинный человеческий потенциал обоих героев выливается в бессмысленные выходки и опасную лихость. Поражает концептуальное сходство обоих произведений, неожиданно тесно сближающее позиции Бунина и Шмелёва. «Жажда подвига», как путь к осмысленному существованию, неумелая попытка самоопределения роднят характеры героев. Недовольство собой, «смертельная тоска» и скука ведут их к печальному исходу. В то же время принципиально различны судьбы персонажей, казалось бы, неотвратимо влекомых к гибели. Финал рассказа «Захар Воробьёв» (1912) не просто печален, – он безнадёжен. Бессмысленный «подвиг» бунинского героя, на спор выпившего четверть водки, заканчивается нелепой смертью от разрыва сердца. Напротив, военное приключение кровельщика Василия, от скуки вызвавшегося на рискованную поимку немецкого «языка», радикально его переменяло: «В огне и грохоте показалась ему новая жизнь»¹.

Неприкаянность крестьянских героев Бунина связана с такими неприглядными чертами национального характера, как

«лютое отвращение ко всякому труду»², экзистенциальная тоска и отвращение к будням [5, с. 164]. Вектор духовного развития героя Шмелёва ярче всего обнаруживается в просьбе, с которой он обращается в письме с фронта к жене и матери: «Молитесь обо мне»³. Горемычные герои Шмелёва – горькие плоды социального угнетения. «Устройства нету настоящего», – жалуется на жизнь пропивший душу печник Иван из рассказа «За семью печатями». – Выпил – просох, а то никакой возможности»⁴.

Бунин и Шмелёв расходились в художественных принципах изображения героев из народа. Внешние проявления внутренних переживаний – отличительная особенность бунинской манеры письма, тогда как Шмелёв умел угадывать душевные движения в обыденных поступках, каждодневном поведении. Несмотря на очевидные различия, в понимании значения и характера «русского естества» Бунин и Шмелёв во многом совпадали. Обстоятельства трагической оторванности от Родины воскрешали в памяти многие черты народной психологии и картины родной природы. В контексте размышлений о загадке русской души в творчестве Бунина и Шмелёва органично возникала тема памяти, утрат для будущих поколений, которые будут лишены и знаний о прошлом: «Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...»⁵, – печалился Бунин.

Ностальгическая память о прошлом – центральный мотив в эмигрантском творчестве каждого из двух писателей. Для Бунина это, прежде всего, повышенный интерес к истории рода, семьи, ощущение кровной связи с предками. Для Шмелёва –

¹ Шмелёв И.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 5. М: Сибирская Благозвонница, 2008. С. 189.

² Бунин И.А. Стихотворения; Рассказы; Окаянные дни; Тёмные аллеи. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Звёздный мир, 2004. С. 329.

³ Шмелёв И.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 5. М: Сибирская Благозвонница, 2008. С. 154.

⁴ Там же. С. 169.

⁵ Бунин И.А. Стихотворения; Рассказы; Окаянные дни; Тёмные аллеи. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Звёздный мир, 2004. С. 332.

атмосфера детства, мир неброской русской природы, приметы «укладливого» московского быта. В творчестве Бунина «страшный в своей обыденности» быт русской деревни, ставил под сомнение «доброкачественность» самой природы человека, «особенно русского народного, массового человека» [2, с. 42]. Далёкий от идеализации крестьянства автор «Суходола» изобразил его вековую отсталость, косность и бескультурие. Образованных героев Бунина бытовая повседневность отпугивала отсутствием духовности. Идеал писателя связывался со стародворянской жизнью («Антоновские яблоки», 1900), которая на его глазах вырождалась и нищала. Обречённый на угасание бытовой уклад опозитизирован Буниным в лирико-автобиографическом повествовании «Жизнь Арсеньева».

Шмелёв, названный И. А. Ильиным бытописателем «русского национально-го акта»¹, как никто из представителей эмиграции, сумел показать красоту обыденной повседневности. Материальные и духовные установления, привычки, поведение русского человека демонстрируют особенности характера и потенциальные возможности загадочной русской души. Герои Шмелёва одухотворяют, поэтизируют быт, и в этом есть доля идеализации, суть которой, по мнению М. М. Дунаева, заключается в стремлении «показать те идеальные взаимоотношения между людьми, которые порою в скрытой форме уже существуют в реальности» [3, с. 173].

Бунин более Шмелёва был склонен видеть трагические изломы русского естества, полноценное осмысление которого невозможно без понимания отношений крестьянина и помещика как основных действующих лиц отечественной истории. Размышления о трудностях жизненного выбора, истоках заблуждений и ошибок на этом пути приводят Бунина к горькому выводу о потере кровной связи мужика и барина, исчезновении целого сословия,

определявшего формирование национальной культуры.

В известной книге «О тьме и просветлении» Ильин писал о Шмелёве, что он – «изобразитель русского, исторически сложившегося душевного и духовного уклада <...>. Это русский художник пишет о русском естестве. Это национальное трактование национального»².

Для Шмелёва сословная принадлежность – явление вторичное, напрямую не связанное с вопросами национальной самобытности. На первом месте для его персонажей не классовые интересы, а объединяющие всех чувства служения и долга, привязанности к родному, готовности к подвигу и состраданию. По мысли писателя, это следствия уроков истории, прочно усвоенных и мужиком, и баринном. Герой «Приятной прогулки», все слуги которого остались в поместье после Манифеста, не без гордости рассуждает о крепкой «спайке» с народом: «Клевещут на нашу аристократию, на наш народ. Наша аристократия, может быть, лучшая из всех аристократий, и наш народ как-то хранит в себе врождённый аристократизм духа...»³.

Заключение

Таким образом, разные по тональности художественные открытия Бунина и Шмелёва в отношении загадочной русской души сошлись в констатации противоречивости национального характера. Однако если для автора «Деревни» это была тревожащая неуловимость, непредсказуемая многоликость, то для автора «Богомолья» – воодушевляющая возможностями многогранность. В обоих случаях творческие усилия художников питались самоотверженной любовью к Родине, её духовному идеалу и верой в исконно благие начала русской национальной стихии.

Статья поступила в редакцию 16.07.2020.

¹ Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелёв // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. I. М.: Русская книга, 1996. С. 336.

² Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелёв // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. I. М.: Русская книга, 1996. С. 138.

³ Шмелёв И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1999. С. 347.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырева Е. М. Миф о России в эмигрантском творчестве И. С. Шмелёва // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 1. С. 85–91.
2. Гачева А. Г., Казнина О. А., Семенова С. Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2003. 400 с.
3. Дунаев М. М. Своеобразие творчества И. С. Шмелёва (К проблеме «бытовизма» в произведениях писателя) // Русская литература. 1978. № 1. С. 163–175.
4. Кузнецова М. А. Национальный характер в прозе И. А. Бунина // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2015. №3 (71). С. 20–22.
5. Мальцев Ю. В. Бунин. Frankfurt a. Main; Moskau: Посев, 1994. 432 с.
6. С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2002. 824 с.
7. Смелковская М. Ю. Нравственно-философский потенциал русского национального характера в рассказах И. А. Бунина // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. №01 (55) Часть 3. С. 95–97 [Электронный ресурс]. URL: <https://research-journal.org/languages/nravstvenno-filosofskij-potencial-russkogo-nacionalnogo-karaktera-v-rasskazax-i-a-bunina/> (дата обращения: 13.07.2020).
8. Смирнова Л. А. Золотой сон души: О русской литературе рубежа XIX–XX вв. М.: Водолей, 2009. 392 с.
9. Чернышева Н. С., Агафонова Г. И. Русский национальный характер в романе И. С. Шмелёва «Лето Господне» // Мир образования – образование в мире. №3 (59). 2015. С. 110–118.
10. Шешунова С. В. Национальный образ мира и межкультурная коммуникация в творчестве И. С. Шмелёва. М.: ЛЕНАНД, 2017. 194 с.
11. Юзефович И. В. Художественная модель национального мира в прозе первой трети XX в.: И. С. Шмелёв, Ш. Й. Агнон, И. Э. Бабель: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 20 с.

REFERENCES

1. Boldyreva E. M. [The myth about Russia in the emigre creativity of I. Shmelev]. In: *Mir russkogovoryashchikh stran* [The world of Russian-speaking countries], 2019, no. 1, pp. 85–91.
2. Gacheva A. G., Kaznina O. A., Semenova S. G. *Filosofskii kontekst russkoi literatury 1920–1930-kh godov* [The philosophical context of Russian literature of the 1920s–1930s]. Moscow, Gorky Institute of world literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003. 400 p.
3. Dunaev M. M. [The originality of I. Shmelev (On the problem of "everyday life" in the writer)]. In: *Russkaya literatura* [Russian literature], 1978, no. 1, pp. 163–175.
4. Kuznetsova M. A. [National character in the prose of I. Bunin]. In: *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University], 2015, no. 3 (71), pp. 20–22.
5. Mal'tsev Yu. V. [Bunin]. Frankfurt a. Main; Moscow, Posev Publ., 1994. 432 p.
6. S dvukh beregov. *Russkaya literatura XX veka v Rossii i za rubezhom* [From two banks. Russian literature of the 20th century in Russia and abroad]. Moscow, Gorky Institute of world literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2002. 824 p.
7. Smelkovskaya M. Yu. [The moral and philosophical potential of the Russian national character in the stories of I. Bunin]. In: *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International research journal], 2017, no. 01 (55), part 3, pp. 95–97 [Electronic resource]. Available at: <https://research-journal.org/languages/nravstvenno-filosofskij-potencial-russkogo-nacionalnogo-karaktera-v-rasskazax-i-a-bunina/> (accessed: 13.07.2020).
8. Smirnova L. A. *Zolotoi son dushi: O russkoi literature rubezha XIX–XX vv.* [Golden Dream of the Soul: On Russian Literature at the Turn of the 19th–20th Centuries]. Moscow, Vodolei Publ., 2009. 392 p.
9. Chernysheva N. S., Agafonova G. I. [Russian national character in the novel by I. Shmelev "Summer of the Lord"]. In: *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire* [World of education – education in the world], no. 3 (59), 2015, pp. 110–118.
10. Sheshunova S. V. *Natsional'nyi obraz mira i mezhkul'turnaya kommunikatsiya v tvorchestve I. S. Shmeleva* [National image of the world and intercultural communication in the works of I. Shmelev]. Moscow, LENAND Publ., 2017. 194 p.

11. Yuzefovich I. V. *Khudozhestvennaya model' natsional'nogo mira v proze pervoi treti XX v.: I. S. Shmelev, Sh. I. Agnon, I. E. Babel': avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The artistic model of the national world in prose of the first third of the 20th century: I. Shmelev, S. Agnon, I. Babel: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2018. 20 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гудзова Ярослава Олеговна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Московского государственного института культуры;
e-mail: disava@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yaroslava O. Gudzova – Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of literature, Moscow State Institute of Culture;
e-mail: disava@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гудзова Я. О. «Русский художник пишет о русском естестве»: И. А. Бунин и И. С. Шмелёв о загадке русской души // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №4. С. 93–100.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-93-100

FOR CITATION

Gudzova Ya. O. «The Russian Artist Describes the Russian Character»: I. Bunin and I. Shmelev on the Mystery of the Russian Soul. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 4, pp. 93–100.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-93-100